

«Все мое в России пропало...»

Правда. — 1991 — 20 февр. — с. 3

Если когда-нибудь случится мне быть в Париже, обязательно постараюсь попасть в район, где обитали русские эмигранты «первой волны». Разыщу дом на улице Оффенбаха, в котором жил Иван Алексеевич Бунин. Зайду в квартиру, вещи и рукописи из которой вот уже без малого сорок лет держат путь в Россию.

Я НЕ РАЗ видела эти реликвии — в музеях и на выставках. Приезжали они из разных стран. И вот предомной очередная папка, на этот раз прибывшая из Америки — из Сан-Франциско. Оригиналы рассказов и писем (не только бунинских), записки Ивана Алексеевича и копии фотографий одеты в прозрачные рубашки. Все эти ценности из архива Юрия Викторовича Мельтева, а также две любительские киноплёнки, запечатлевшие Бунина в эмиграции, передале в Советский фонд культуры жена хранителя Татьяна Александровна и сын Алексей Юрьевич Мельтевы. Сотрудники фонда считают этот дар одним из самых интересных в минувшем году. Родители Алексея Юрьевича были вывезены из России детьми после революции, сам он родился в Париже. Его дед по отцу был специалистом по восточным языкам, а дед по матери — белым генералом.

В столице Франции жизнь семей протекала под общим дахом всех эмигрантов знаком — выжить! Бывшему генералу пришлось стать корректором. Александр Григорьевич Фабашенко-Савченко трудился в эмигрантской газете «Последние новости». Нередко писал рецензии, подписываясь псевдонимом А. Дедов, конечно же, из любви к внукам. Однажды он написал о книге Николая Чернова «Орловские литературные места», присланной из Советского Союза. И вот через тридцать лет — неисповедимы пути господни! — Чернов разыскал в Москве отставного лейтенанта полиции, по образованию, правда, лингвиста, представителя американской фирмы «КРОСС» Алексея Мельтева, подарил третье издание книги

и показал письмо деда. Отец Алексея Юрьевича — Юрий Викторович — был весьма образованный человек: владел восемью языками, обнаруживал широкие познания в архитектуре, литературе, искусстве, слыл тонким знатоком творчества русских писателей.

Благодаря тестю-корректору Юрий Викторович был знаком со многими русскими литераторами, сотрудничавшими в эмигрантских изданиях «Последние новости», «Возрождение». Естественно, многие документы, письма, рукописи оседали в анналах редакций. Так что у истоков архива, собираемого поначалу, судя по всему, бессознательно, стоял еще Александр Григорьевич Фабашенко-Савченко. И это благодаря ему, конечно, в папку попал автограф русского геолога и географа князя Петра Алексеевича Кропоткина — письма — рекомендации, написанные на классическом английском и отправленные из Москвы в Нью-Йорк и Чикаго еще в 1917-м. Или итальянский рассказ «Три друга» в переводе Куприна.

Юрий Викторович, вероятно, уже тогда гадал, что рано или поздно архив вернется на родину. Во всяком случае Алексей Юрьевич рассказывал, что незадолго до смерти (Ю. В. Мельтев умер в 1986 году. — Ред.) отец горестно сожалел, что раритеты не являются достоянием тех, кто может их оценить.

Сын выполнил волю отца: фильмы с его комментариями посмотрели уже специалисты в Москве и Орле, над документами работает исследователь творчества Бунина А. К. Бабореко. Полная публикация бунинских материалов из архива Ю. В. Мельтева будет

дана в журнале «Наше наследие».

КАК ЖЕ появились фильмы? Когда Юрию Викторовичу подарили кинокамеру, он стал снимать деятелей русской культуры. Благодаря ему видим «живых» художника Александра Бенуа, актрису Надежду Рошину-Инсарову, балетмейстера Сергея Лифаря, писателей Алексея Ремизова, Бориса Зайцева, Тэффи (Надежду Александровну Лохвицкую). Благодаря Мельтеву видим на экране и Ивана Алексеевича Бунина...

Оператор-любитель, скорее всего, был представлен писателю его земляком-орловцем Борисом Зайцевым. Обе съемки проходили на Оффенбаха, 1: первая — весной, а вторая — в сентябре, в дни 80-летия Бунина. Писатель жил анахоретом и выходил из дома разве что по очень значительным случаям. Нельзя сказать, что он был счастлив видеть кого-то и у себя.

На весенних кадрах запечатлено чаепитие у Буниных — Вера Николаевна подает на стол. Юрий Мельтев в гостях вместе с женой. Хозяин не совсем здоров, раздражителен. На своем юбилее автор «Господина из Сан-Франциско» — среди знаменитых соотечественников, многих из которых знал еще в России.

— Всмотритесь в его глаза, — говорит Мельтев-младший. — Это глаза талантливого, самолюбивого человека, но они полны ненависти. И, поверьте полицейскому, человек этот не уважает себя. Дело в том, что Бунин был смертельно обижен на судьбу. Возможно, он считал себя самым великим писателем XX века, но был убежден, что ему раскрываться должно было в России. Так что революция представ-

лялась ему величайшей несправедливостью.

В 1952-м Мельтевы отбыли в Америку. Об этом напоминает письмо Веры Николаевны с сообщением о кончине Тэффи, отправленное им уже в Новый Свет.

СОБСТВЕННО, путь реликвий в Москву начался еще в дни столетнего бунинского юбилея, когда Александру Кузьмичу Бабореко прислали вырезку из сан-францисской газеты «Русская жизнь» о том, что некий Мельтев показывал фильмы о писателе. Бабореко отправил в Сан-Франциско письмо с просьбой одолжить пленки на юбилей или снять копии, на что Юрий Викторович ответил отказом. Он сказал, что не может нарушить обещание, данное своим героям: широкой публике ролики показываться не будут.

Прошло двадцать лет, и Бабореко обратился по поводу мельтевского киноархива к первому секретарю правления Союза кинематографистов СССР Андрею Смирнову. Когда-то режиссеру приходилось работать над сценарием документального фильма о бунинских организациях. Будучи за границей Смирнов разыскал Мельтевых и начал с ними переговоры. На этот раз мать и сын решили расстаться и саркастично, и с киноплёнками: ведь кадры давно принадлежали истории. В качестве спонсора выступил известный фонд Оппенгеймера (Великобритания), выделивший необходимую сумму для приобретения киноархива. Так уникальные материалы вернулись на родину.

Что же в архиве? Читайте — и словно переноситесь под не родное для русских людей небо, ощущаете запах проносащегося мимо них дветущего мая, пронзительное одиночество в душах и беспредельную тоску, выплеснувшуюся в щемящем начале бунинского рассказа «Христово озеро».

Из коротких деловых писем

встает мир повседневной жизни. Вот Бунин, два года живущий в эмиграции, просит Александру Николаевну Лохвицкую, вероятно, родственницу Тэффи, помочь снять дачу для него с Верой Николаевной и Мережковских. Не очень дешую, но и не очень дорогую, потому что «мы не хотим платить более 15 франков на человека». Вот спустя три года Бунин отправляет «фельетон для следующей субботы» одному из издателей и волнуется из-за большого количества французских слов. Кланяется, как всегда, корректору, отношению к которому у писателя можно сравнить разве что с отношением женщины к акушеру, принимающему у нее ребенка.

Вот Глеб Струве, сын Петра Бернгардовича Струве, известного русского экономиста, философа, историка, публициста, редактора журналов «Освобождение» и «Русская мысль», нижайше просит правление Союза писателей в Париже выделить ему 500 франков по причине «крайней нужды». Бунин энергично приписывает на листке: «Очень поддерживаю ходатайство! Его самого «крайняя нужда» еще не наступила. Все впереди.

Но праздники у них все-таки были. Потому что спасал всех жертвенный, всепоглощающий труд. В папке есть три благодарственных письма в редакцию «Возрождения» — от Ивана Бунина, Сергея Рахманинова и композитора Александра Гречанинова. Бунин благодарит всех, поздравивших его с получением Нобелевской премии, а Рахманинов и Гречанинов — с юбилеями. Есть в архиве и фотографии Бунина в редакции «Возрождения». На одной его поздравляют с Нобелевской премией, на другой рядом с ним — Александр Куприн, Владислав Ходасевич, Борис Зайцев.

ПОВОРЯТ, в старости людей тянет рассматривать старые фотографии и перечитывать письма юности. Иван Бунин не был исключением.

За год до смерти он сам разыскивает Юрия Мельтева в Париже и просит сделать снимки с негативов его портретов разных лет. С каждого по шесть штук. И в знак благодарности обещает подарить несколько своих изображений.

Мельтев, конечно, исполнил просьбу. В архиве сохранилось и официальное «разрешение» на пересъемку негативов, подписанное со всей важностью: Бунин, писатель, лауреат Нобелевской премии. Кому напоминает Иван Алексеевич о своем величии? Окружающим его чужим людям? Самому себе?..

Характерны бунинские комментарии и на копиях фотографий: «Я семнадцатилетний» (об этой фотографии Бунин сказал жене Мельтева: «Вот красавец мужчина»), «Юрию Викторовичу Мельтеву сердечно. 7.2.1952. Париж. Ив. Бунин. Я был таким в 1906 г. Ив. Бунин», «Юрию Викторовичу Мельтеву — Ив. Бунин, В. Бунина. 7.2.1952. Париж. Декабрь 1906 г. Москва».

Есть здесь и прекрасный портрет 1903 года. И известная фотография, на которой писатель среди участников московской литературной группы «Среды» — с Горьким, Андреевым, Скитальцем, Шалипиным, Телешовым.

К эпизоду с пересъемкой имеют отношение и записки Бунина, пояснявшего Мельтеву, потерявшему в детстве слух, кто и в какие годы изображен на фотографиях. Бунинские фразы написаны крупно чернилами. «Снимки в гимназии хороши?» — и знак вопроса почему-то повернут в обратную сторону. «Моя первая жена Анна Николаевна Цакни. Одесса. 23.IX.98 г.» «Я и В. Н. Муромцева, моя вторая жена. 1906 г. Москва». «Мой маленький сын Коля умерший». «У Чехова в кабинете. 1903 г. Ялта».

Забавное откровение: «На юге я бегал, как молодой козел». Но именно в эти дни Бунин остро и точно

воспринимает Чехова, а потом тончайше живописует в очерке. Есть и совсем не забавное: «Ведь французы — сволочь». Бунин, рассказывают, был обижен на французов за то, что они, в отличие от всех, не ценили его как нобеллата.

И наконец христианский смиренное, подводящее черту подо всем: «Это было в России — там все мое пропало».

НЕТ, не пропало, Иван... Алексеевич, а проросло. И кабинет ваш парижский в Орел переехал. И книги ваши любимы, и каждое неизвестное слово дорого сердцу тех, кто вас любит. Например, как вот этот пасхальный рассказ из мельтевской папки — «Христово озеро».

Правда, рассказ под названием «Генисарет» был известен еще российскому читателю. Опубликован 25 декабря 1912 года в газете «Русское слово». А три года спустя появилась в цикле «путевых поэм» «Храм Солнца» в Полном собрании сочинений Бунина, изданном Товариществом А. Ф. Маркса в Петрограде.

В очерках этого цикла отражены впечатления от путешествия Бунина по Ближнему Востоку. Всего два дня провел писатель с женой у Генисаретского озера, но мятежная бунинская душа получила возможность безмерно долго путешествовать в мирах и пространных, думая о вечности.

А для того чтобы всем нам иметь бесценную возможность прикоснуться к вечности через творения великих соотечественников, забытые или исчезнувшие, потерявшиеся на чужбине или во времени, и создан Советский фонд культуры. Рукописи, картины, фотографии, дневники, личные предметы, письма, записки, случайные пометы... Сколько их уже собрано! И скольким еще предстоит вернуться под отчий кров, в Россию.

Н. КАТАЕВА.